

АКТЕР. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

ДА

“ДАЛЬШЕ”

Дом актёра. — 1995. — ноябрь — с. 5.

Приподнимаем занавес за краешек —
Какая старая тяжёлая кулиса —
Вот какое время было раньше,
Такое ровное...

В.Высоцкий

О любимых актёрах нужно писать, не дожидаясь, пока они станут легендой. Об Алисе Фрейндлих так писать уже не получится. В Петербурге есть легенда: маленькая женщина с голубыми грустными глазами, с легкими движениями и чуть хриплым голосом, о котором не нужно говорить словами, — его узнаешь сразу, потому что знаешь интонации, перепады тембра, легкий шелест дикции. Актриса с диапазоном от лирической комедии до гротеска, от бытовой пьесы-однодневки до трагедии — все воплощается у нее в человеческое, игровое, живое...

В БДТ Алиса Фрейндлих существует особым. Она не дает интервью в печати (или делает это в исключительных случаях), ей дарят цветы в 20-ти градусный мороз, после ее монологов всегда аплодисменты, даже если они в ущерб спектаклю. Алиса Фрейндлих — виртуозный профессионал, и все-таки иногда напоминает пианиста с “переигранными” пальцами, когда хочется добавить больше эмоции, вложить новый оттенок в какой-то пассаж, а пальцы, натренированные опытом и школой до автоматизма, ведут за собой...

Странное существование на границе безумной “знакомости”, понятности, узнаваемости и поиска малейших нюансов, черточек, бликов — все это свойственно актрисе.

Новая роль Фрейндлих — Леди Макбет в шекспировской трагедии. Мне посчастливилось присутствовать на репетициях Темура Чхеидзе, хотя механизм создания нового сценического человека — великая актерская мистификация — так и остался для меня неразгаданным крессвордом.

Сейчас Леди Макбет играть в театре кроме Фрейндлих больше никому. Темура Чхеидзе тонко ощущает, какому актёру в настоящий момент важна именно та или иная роль. При яркости стиля “режиссерского театра”, который исповедует Чхеидзе, именно ему удается свести актёров с их ролями.

“Как правило, мне всегда дорога последняя роль, потому что она всегда будет не до конца использована, исследована, в ней есть много всяких манков, которые подогревают интерес к ней” — из “юбилейного” интервью Алисы Бруновны.

“Не наиграешь, не сыграешь” — старая актерская поговорка по отношению к репетициям. Тут место и шутке, и анекдоту, и обсуждению с коллегами вчерашних событий в Чечне. Работа. Актерские диалоги о смысле той или иной сцены ведутся на каком-то “птичьем”, профессиональном языке, “показ”, словечки разные... И вдруг появляется в маленьком репетиционном зале Фрейндлих (с петербургской газетой “Смена” и неизменными сигаретами). Всегда подтянута и сдержана, только спор может пробудить в ней импульсивность, зажечь, закрутить актерские нервы. Актриса долго не соглашается, если уверена в своей правоте. Начинается репетиция ее сцен, она поднимается на невысокую сценическую площадку, и... происходит чудо. Глаза, жесты, паузы актрисы притягивают и поглощают. Закон-

ченные самостоятельные сцены — мини-спектакли. На репетиции А. Фрейндлих всегда разная, интуитивная. Чхеидзе только дополняет какие-то жесты, определяет мизансцены, иногда — показывает сценическое действие. В роли Леди режиссер выделил для Фрейндлих несколько тем, которые так или иначе воплотились в спектакле. Кошка, красивая женщина, бездельность, страх, безумие...

Когда репетировалась сцена принятия решения об убийстве Дункана, Чхеидзе сказал: “Диагноз — рак”, Макбету не уйти, не обогнуть эту смерть на пути к власти, Дункан обречен. В спектакле же догадаться о смерти короля можно только, проследив цепкую речь Фрейндлих, у которой Леди превращается в кошку, в хищное, жадное до крови животное. Актриса — советчик, со-творец режиссера, она ставит одной ей слышные ударения, важные для целого образа, без “кусочков”, который увидят зрители.

Резкая смена центров в сценическом существовании героини определена режиссером. В Леди Алисы Фрейндлих столько искусственного, “кошачьего”, столько живой, естественной красоты. Бела Леди — в бездельности, в основе ее преступления лежит какая-то психологическая трагедия. “Никакая она не ведьма, она прелестная женщина”, — Чхеидзе о Леди. Изначальная жажда власти мотивируется у актрисы как желание блеска, иное существование бессмысленно.

Леди у Фрейндлих сначала — мелкий бес, ангел-хранитель-искуситель Макбета. В “Сталкере” жена Сталкера маниакально предрекала мужу катастрофу, силой нервов, истерики, слез, пытаясь остановить мужа... В Леди Макбет просвечивает жена Сталкера, но словно в кривом зеркале: обратный полюс — от полной собачьей преданности до блестящей женщины, ради которой вершатся судьбы, ей посвящаются жизни, ложатся к ее ногам человеческие головы.

Леди только женщина, ей тоже когда-то становится страшно. Большая совесть нака-

зывает сама себя: у Макбета и его жены отнимается благо человеческой жизни — сон. Существование без сна истачивает нервы, и перед нами появляется уже другая Леди, нервная, беспокойная, расколотая изнутри...

Весь спектакль Алиса Фрейндлих ведет к сцене сумасшествия. Она — актриса солильных партий, одиночка на сцене. Простраивая взаимоотношения с партнерами, пребывая в действии и являясь одним из его нервов, она все-таки подсознательно выжидала мгновений этого монолога. Чхеидзе говорил — эта картина должна называться “сумасшедший дом”, еще точнее — безумный дом. Сумасшедшая Леди Макбет возникает как-то внезапно, из темноты, со свечой в руке и в белом балахоне, ступая по сцене в мягких шерстяных носках. Появляется почти бесплотное, только что бывшее очаровательным, страшное создание с опущенными веками. Лысая... Эффект в том, как эта блистательная женщина, актриса, не побоялась такого грима. Многие актрисы любят быть “некрасивыми”, на время, чтобы вспоминать о контрастах. Фрейндлих никогда не боялась возникающей вдруг на сцене физической некрасоты, в ее трагических ролях нерв судьбы живого человека, героини, чья жизнь сконцентрирована временем спектакля, важнее...

Вспоминаются тихое, лепечущее безумие ее Катерины Ивановны, срывающееся до истерики, обреченная на смерть невинная в своей счастливой судьбе мужественно-беззащитная вдова Капет, одинокая и жестокая от людской нелюбви убица Елизавета...

В Леди Макбет нет постепенного перехода, есть перелом — когда во втором акте появляется чувство страха. Центр ее роли — сцена безумия... Леди стала облысевшей старухой: душевные грехи выплеснулись на поверхность.

Осталась память жестов, из которых выплывает вся история преступления. А. Фрейндлих выстраивает целый пластический спектакль в границах одного монолога. Она указывает свою руку, почти выдавившую глаза мертвому Дункану, рука убийцы превращается в ребенка — нереализованную страсть Леди... Белый шарф на сцене становится петлей, понятно, что если появилось в этих руках орудие самоубийства, оно свершится. Леди умней Макбета.

Трагедия героини Алисы Фрейндлих заключена в понимании своего греха, безумие ее не отвратительно, просто некрасивая смерть...

Алиса Фрейндлих в “Макбете” — одна из центральных фигур. Не родилось “новой театральной легенды”, чудо хорошего спектакля сейчас важнее...

Как всегда профессиональна, как всегда любима, как всегда блистательна существует в нем Алиса Фрейндлих.

“Дальше”.

Мария Попова

Встреча с Алисой Бруновной в Центральном Доме Актера им. А.А. Яблочниковой состоится 28 ноября 1995 года в 18.30 в Большом зале.